

РОССИЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

М.А. ФЕЛЬДМАН

Была ли Октябрьская революция 1917 года пролетарской? (Проблемы истории и историографии)*

В статье рассматривается современное состояние дискуссии историков о характере и причинах Октябрьской революции 1917 г. Проанализированы направленность забастовочного рабочего движения, численность отрядов Красной гвардии, соотношение роли солдатских масс и красногвардейцев, роль Советов в октябрьских событиях 1917 г. Предложена новая модель взаимосвязи понятий “переворот” и “революция”.

Ключевые слова: социальная революция, рабочее движение, красногвардейские отряды, солдатские массы, верхушечный переворот.

In article the current state of discussion of historians about character and reasons of the October revolution of 1917 is considered. The orientation of strike working-class movement, number of fighters in groups of Red guards, a parity of soldier's masses and the Red guards as revolutionary forces, a role of Soviets in October events of 1917 are analyzed. A new design of interrelation of concepts “coup d'état” and “revolution” is offered.

Keywords: social revolution, working-class movement, Red guards military groups, soldier's masses, coup d'état.

Оценка полемики вокруг Октябрьской революции 1917 года

Состояние современных воззрений российских историков на проблемы, связанные с оценкой Октябрьской революции, наглядно продемонстрировали материалы “круглого стола” в Институте российской истории РАН, посвященного событиям октября 1917 г. (октябрь 2007 г.) [Российские... 2008, с. 167–211]. Однако, в отличие от проводившегося ранее аналогичного мероприятия, взвешенно и обстоятельно проанализировавшего причины и содержание Февральской революции (март 2007 г.) [Круглый... 2007, с. 3–30], в данной дискуссии, на мой взгляд, преобладали эмоциональные оценки, без необходимых аргументации и доказательств.

* Исследование выполнено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда-Урал (проект № 11-11-6601а/У).

Фельдман Михаил Аркадьевич – доктор исторических наук, профессор Уральского института – филиала Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

Полярно противоположные оценочные суждения – обычное дело в плюралистическом сообществе историков. Поэтому такие противоречивые позиции, как высказывание В. Лаврова: “народ России просто надули”, мысль А. Медушевского о том, что произошла цивилизационная катастрофа, утверждение А. Боханова о катастрофе “логичной, закономерной, не привнесенной извне” и позиция В. Булдакова: “то, что кажется цивилизационной катастрофой, на деле может быть проявлением естественного развития цивилизации” [Российские... 2008, с. 167–169, 173], сами по себе – еще не повод для тревоги, их можно расценивать и как попытки рассмотреть предмет с разных сторон. Но на сей раз отсутствовало даже стремление навести мосты между крайностями. Диапазон понимания Октябрьской революции – от “цивилизационной катастрофы” до “Великой революции по своим масштабам, глубине произошедших в ее результате социально-политических трансформаций, последствиям и всемирному значению” – слишком широк, он подтверждает резкий вывод Булдакова о неготовности современных исследователей к научным оценкам событий осени 1917 г. [Российские... 2008, с. 172].

Нельзя сказать, что споры между историками не создают условий для более сбалансированных оценок. Предпосылкой к объективному обсуждению темы могло бы стать концептуальное замечание А. Соколова о необходимости отличать сами революции *от их последствий*, как это и принято в современных теориях революций. Как содержательные в методологическом плане и вместе с тем требующие глубокого анализа, можно рассматривать мнение Л. Протасова о том, что Октябрь явился катастрофической (в научном понимании термина) формой модернизации России, варварской формой прогресса, и развитие этого подхода Булдаковым, увидевшего в революции 1917 г. “синергетический (а не линейный) процесс самосохранения сложноорганизованной имперской системы” [Российские... 2008, с. 170, 173]. На новый уровень осмысления событий Октября 1917 г. может вывести предложенный Медушевским метод объяснения характера революции при помощи институциональных подходов. Исходя из уточнения, данного этим автором, подобный метод следует назвать *неоинституциональным*, позволяющим “переводить доктринальные дискуссии на уровень правовых актов, институтов, процессов и технологий, показывая, в частности, где была допущена ошибка” [Медушевский, 2007, с. 5–6].

Однако эти позитивные тенденции и идеи пребывают в зачаточном состоянии, они не развиты. Движению в сторону диалога мешают некоторые крайности в суждениях тех же самых авторов. Остается под вопросом, насколько справедливы выводы Медушевского о том, что Советы представляли собой заведомо “архаичные структуры, не способные к управлению, но являющиеся средством мобилизации антиконституционных деструктивных сил, вплоть до уголовных элементов”, и “если декларативная функция Советов определялась как осуществление непосредственной демократии, то реальная функция состояла в мобилизации социальной поддержки и легитимизации установления коллективистской диктатуры”. Правда, он избегает предельной категоричности. Характеризуя отношения Советов и Временного правительства как форму двоевластия, Медушевский при этом замечает, что “потенциальное двоевластие правовых и неправовых сил, однако, не обязательно переходит в реальное (и юридически оформленное) двоевластие, а это последнее не влечет автоматически победы экстремизма” [Медушевский, 2007, с. 16–17, 23].

В этой связи обоснованным (и подтвержденным результатами моих собственных исследований) выглядит мнение Булдакова: “Не следует преувеличивать институциональное значение так называемого двоевластия: фактически оно существовало короткое время лишь на столичном уровне. В провинции Советы повсеместно вошли в состав губернских исполнительных комитетов в качестве одной из многочисленных общественных организаций, нацеленных на сотрудничество. *Деструктивной силой они стали лишь осенью 1917 г.* (курсив мой. – М.Ф.). Но и тогда Ленин не считал их единственной силой при организации вооруженного восстания, имея в виду Фабзавкомы и Красную гвардию” [Булдаков, 2007, с. 19]. Взгляды Булдакова близки к тому направлению в зарубежной научной литературе, посвященной истории российской революции (не основополагающему, но одному из основных), суть которого – в рас-

смотрении рабочего класса как самостоятельного актора, субъекта истории, а не как объекта воздействия различных политических сил [Кудинова, 1998, с. 41].

Анализируя эволюцию зарубежной историографии революции Октября 1917 г. от “либерального направления” до “новой культурной истории”, основанной на лингвистическом повороте и постмодернизме, В. Шевырин в статье “Революция 1917 г.: переосмысление в зарубежной историографии” обратил внимание на растущее распространение теорий, критикующих постулат о неизбежности Октябрьской революции. В качестве примера он приводит тезис М. Мелакон и А. Пэйт о том, что катастрофического резкого классового разделения в российском обществе не было. Это делало политическую ориентацию рабочих неоднозначной. Растущее самосознание подталкивало их решать свои проблемы самостоятельно, “не доверяя политическим поводырям”. Реформистские действия рабочих (например, создание страховых касс) означали, что рабочие верили в способность правительства и работодателей обеспечить их экономические и социальные права [Шевырин, 2007, с. 64].

Шевырин отметил и проницательное замечание С. Смита о связи исхода событий 1917 г. и состояния культуры бюрократии, ее неспособности к быстрому рассмотрению и решению возникающих политических проблем [Шевырин, 2007, с. 59]. Поэтому представляется, что уроки революции 1917 г. как “леворадикальной”, по обоснованному определению Ю. Игрицкого, обращены ко всем политическим силам, как левым, так и правым, то есть к государственным [Игрицкий, 2008, с. 116–124].

Следует приветствовать появление в конце первого десятилетия XXI в. публикаций, нацеленных на систематизацию историографии Октября за два постсоветских десятилетия. В статье “Современная отечественная историография русской революции 1917 г.” Н. Ерофеев дал аналитическую оценку этапа отечественной историографии первой половины 1990-х гг., указав на преобладание в этот период публицистических и эмоциональных оценок революции Октября 1917 г., нередко далеких от научных критериев. Позитивным свойством публикаций, увидевших свет в это время, данный автор называет изменение общей атмосферы исследований, установление открытого и легального плюрализма во взглядах исследователей, развернутую критику советской теории и методологии познания истории, прежде всего представлений об истории как о естественной смене общественных формаций [Ерофеев, 2009, с. 92–93, 97, 99].

Ерофееву удалось классифицировать исследования следующего этапа (1997–2007 гг.), проанализировав мнения историков по вопросам обусловленности, содержания, освещения движущих сил, периодизации и хронологических рамок Февральской и Октябрьской революций. Он аргументированно высказал свою поддержку историкам, выступающим за признание причинной обусловленности, но не неизбежности революций 1917 г., которые рассматриваются им как единый революционный процесс [Ерофеев, 2009, с. 95–96, 107]. Однако в статье Ерофеева только мельком освещено состояние историографии по проблеме движущих сил революции. Практически вне внимания оказалась проблема взаимоотношений Временного правительства и основных социальных слоев населения – пожалуй, важнейшая составляющая революционных событий 1917 г. Фактически вне поля его зрения остались современные, наиболее актуальные трактовки Октябрьской революции, что, впрочем, отражает и общее состояние исторических исследований по названной проблеме. И самое главное: анализ результатов исторических исследований за десятилетие 1997–2007 гг. в работе Ерофеева отсутствует. Оценка качества приращенного знания не прозвучала.

Статья О. Чуракова “1917 г. в современной историографии: проблемы и дискуссии” формально являлась откликом и, в некоторой степени, рецензией на публикацию Ерофеева. Однако Чураков внес в научное понимание революционных событий 1917 г. ряд важных методологических замечаний. В первую очередь он определил доминирующие идеологические принципы изученных Ерофеевым направлений исторических исследований. При всем многообразии существующих историсофских схем они могут быть сведены к двум основным: теории модернизации и цивилизационному подходу. Взаимодействие данных подходов делает возможным совмещение двух исследовательских перспектив. Это объяснения: 1) с позиций теории модернизации тех явлений

отечественной истории, которые относятся к общему ходу и общим закономерностям европейского развития; 2) с позиций цивилизационного подхода событий, связанных с самобытностью российской действительности [Чураков, 2009, с. 105–106].

Обоснованным можно считать и мнение Чуракова о том, что вопрос об определении хронологических границ революции 1917 г. должен быть подчинен решаемым научным задачам. Если под революцией понимается резкая смена вектора исторического движения страны, переход от одной ступени (или модели) цивилизационного развития к другой, приемлемо выделять две самостоятельные революции – Февральскую и Октябрьскую. Если же речь заходит о тенденциях, определяющих лицо всей переходной эпохи как целого, то правомерно говорить о единой Русской революции.

Чураков разделяет позитивную оценку Ерофеевым психологизации современной истории, в том числе изучения зависимости личного выбора человека от традиций, ритуалов, символов, изменений в языке, конкретной ситуации деятельности и реакций на них [Чураков, 2009, с. 108, 112]. Но, как представляется, аргументация автора, хорошо фундированная и опирающаяся на ряд монографий, опубликованных за последнее десятилетие (включая и мою), нуждается в дополнении. Важно хотя бы примерно определить соотношение психоментальных и социальных факторов, повлиявших на ход и содержание исторических событий 1917 г. в России.

Подводя итог этого краткого обзора, отмечу: в публикациях и дискуссиях историков первого десятилетия XXI в. удалось сделать определенный шаг вперед в понимании хронологических рамок и этапов революции 1917 г., предпосылок и причин революционных потрясений, уменьшив тем самым степень зависимости исторической науки от идеологических предпочтений власти в советский и постсоветский периоды. Существенно меньшим видится сдвиг в изучении таких проблем, как социально-политическое содержание и движущие силы революции, взаимоотношения власти и конкретных социальных групп. Отметив, что в целом вопрос о типе, содержании, целях и результатах Октябрьской революции следует считать сегодня малоизученным, рассмотрю проблему реального участия рабочих в событиях 1917 г., сконцентрировав внимание на роли Советов и Красной гвардии.

Характер настроений и выступлений рабочих в 1917 году

Майское соглашение Временного правительства и Исполкома Петроградского совета, вхождение умеренных социалистов во Временное правительство, продолжавшего непопулярную и обременительную Первую мировую войну, усложнили положение меньшевиков и эсеров. События в Петрограде, известные как “июньский кризис”, стали не только шагом на пути эскалации политической напряженности в стране, но и привели к усилению конфронтации внутри лагеря социалистов. Однако, как было показано П. Волобуевым, Временное правительство продолжило и даже активизировало реформы в сфере труда [Волобуев, 1964, с. 338–348]. Основная проблема заключалась в том, что продолжение войны *девальвировало социальные преобразования*, вызвав разочарование среди рабочих.

С апреля 1917 г. нарастало недовольство правительственным курсом у солдатских масс российской армии, что лишало Временное правительство и его органы на местах важного инструмента власти [Галили, 1993, с. 180]. Складывалась парадоксальная (на первый взгляд) ситуация: как бы умеренные социалисты ни усиливали свои позиции во властных структурах партии, как бы ни активизировалось законодотворчество в сфере труда, летом 1917 г. меньшевики и эсеры последовательно сдавали позиции в рабочей среде, оставаясь, тем не менее, ведущей силой в Советах. И не только в Советах. Даже в советской историографии приглушенно признавалось, что среди рабочих России до осени 1917 г. преобладали сторонники умеренных политических взглядов [Астрахан, 1973, с. 75–76]. Вот почему, разделяя точку зрения о том, что “события 3–5 июля 1917 г. стали водоразделом дальнейшего хода русской революции” [Макаренко, 2008, с. 36], подтверждаемому заметным нарастанием *напряженности* в отношениях рабочих и предпринимателей, обращаю внимание на следующее: аналогичного *быстрого обост-*

рения в этих отношениях, свидетельствующего о смене вектора политических настроений с антимонархических на антибуржуазные, в России тогда не прослеживалось.

Об этом говорит статистика стачечного движения. К лету 1917 г. инфляция и эмиссия денег действительно “свели на нет” весеннее увеличение заработной платы и привели к снижению реальной оплаты труда. По мнению американского историка З. Галили, в отличие от весны 1917 г. все чаще обе стороны (рабочие и предприниматели) не желали идти даже на временные уступки друг другу. Если в марте–мае 96–97% забастовок в России закончились победой рабочих, то в июне – только 50%. Однако на той же странице Галили приводит данные фабричной инспекции, из которых следует, что полной или частичной победой рабочих России закончились 86% забастовок в мае и 82% – в июне 1917 г. (правда, при увеличении средней продолжительности забастовки с четырех дней в мае до пяти дней в июне) [Галили, 1993, с. 223–228]. Приведенная статистика носит показательный характер: она свидетельствует о возможности не только *потенциального* компромисса рабочих и предпринимателей, но и широкой *реальной практики* такого компромисса.

Статистика забастовок, приведенная в статье Н. Орловой, свидетельствует о росте забастовочного движения в России только в сравнении с периодом ранней весны 1917 г., когда оно (забастовочное движение) было незначительным. Но и в указанный автором период (19 апреля–6 июля) в забастовках приняли участие *менее одной шестой части рабочих промышленности России* [Орлова, 2007, с. 354].

Анализ статистических материалов забастовочного движения за период 1895–1917 гг., опубликованных в 1927 г., свидетельствует (даже с учетом неполноты данных), во-первых, о снижении в разы числа бастующих рабочих и потерянных рабочих дней в марте–сентябре 1917 г. не только в сравнении с январем–февралем 1917 г., но и с дореволюционным 1916 г. Во-вторых, о доминировании протестных акций *экономического характера*. На них приходилось 70,7% потерянных из-за стачек и забастовок рабочих дней в марте–сентябре 1917 г. [Наемный... 1927, с. 152]. Это подтверждает тезис о значительной самостоятельности интересов и действий рабочего социума, его независимости от политических влияний.

В-третьих, если в дореволюционный период (1895–1916 гг.) доля забастовок, закончившихся для рабочих безрезультатно, составляла 40,7%, то в марте–сентябре 1917 г. она снизилась до 28% (по стачкам эти показатели, соответственно, равнялись 34,9% и 23,1%) [Наемный... 1927, с.157]. Как видно, состояние забастовочного движения в России в марте–сентябре 1917 г., а с ним и масштаб социального протеста рабочего класса не может рассматриваться как предпосылка октябрьских событий. *Ни масштаб, ни содержание забастовочного движения рабочих России не позволяют говорить о стремлении рабочего класса страны к революции.*

Проблема на сей раз заключается в том, как относиться к практике соглашений между предпринимателями и рабочими: как к *вырванным односторонним уступкам* или как к *форме поиска взаимоприемлемого классового мира*. Летом и осенью 1917 г. леворадикальные и правые политические силы в России отрицали саму возможность достижения прочного согласия и мира в обществе. Достаточное, например, обратиться к решениям шестого съезда РСДРП(б). Но нетрудно заметить: интересы рабочего социума и радикальных элит не совпадали.

Роль Советов и Красной гвардии

Дополнительным стимулом к полеванию настроений масс стал масштабный вывод частей гарнизонов на фронт. По подсчетам Н. Попова, численность солдат, отправленных на фронт в июне–августе 1917 г., в России составляла более миллиона человек [Попов, 1983, с. 100]. Негативное отношение солдат к подобному действию фокусировалось большевиками в разоблачение “контрреволюционной и антисоветской акции”. В такой ситуации чрезвычайные меры, предпринятые Временным правительством для борьбы с мятежом генерала Л. Корнилова, сыграли на руку большевикам. Созданные

временные чрезвычайные органы власти – революционные комитеты (центры) – во первых, оказались вне контроля правительственных структур. Во-вторых, они стали еще одним каналом усиления влияния леворадикалов в армии. Более того, в воинских частях и гарнизонах массовый характер приняли отказы солдат исполнять приказы командиров, изгнание неугодных офицеров. В-третьих, они привели к легальному вооружению рабочих в отрядах Красной гвардии.

Как известно, аксиомой публикаций, посвященных истории Красной гвардии и опубликованных в советское время, были утверждения о том, что “большевики создали по всей стране многотысячную Красную гвардию, как передовой отряд армии пролетарской революции” [Цыпкин, 1977, с. 15]. Утверждение ведущего советского историографа Октября И. Минца о концентрации в России к октябрю 1917 г. в отрядах Красной гвардии не менее 200 тыс. вооруженных рабочих [Минц, 1957, с. 33], по сути, превратилось в неоспоримую догму. Но приводя данный показатель, исследователи в 1960–1980-е гг. вынуждены были отмечать существование двух различных по происхождению массивов сведений о красногвардейцах. Первый – данные, установленные на основании документальных источников и исторической литературы, второй – домыслы о *предполагаемой* численности красногвардейцев. В научную литературу же вводилась *суммарная величина* научных подсчетов и *гипотетических предположений*. Так, число *установленных* красногвардейцев накануне 25 октября 1917 г. составляло в Москве 3,5 тыс., “предполагаемых” – 5 тыс., “всего” – получалось 8,5 тыс. человек. В Центральном промышленном районе, соответственно, 8,14 и 22 тыс. человек; на Урале – 3 тыс., 5 тыс., 9 тыс. человек [Цыпкин, 1977, с. 12].

Если в 404 отрядах Красной гвардии – большинстве подразделений в Европейской части страны (кроме Петрограда), – согласно абстрактной “общей величине”, насчитывалось 47,5 тыс. красногвардейцев, то *реально установленных* красногвардейцев было всего 18 тыс. [Цыпкин, 1977, с. 12]. Несложно заметить, что число документально установленных красногвардейцев было почти *втрое меньшим* абстрактной “общей величины”! Получается, что *только незначительная часть рабочих* активно поддержала призыв леворадикалов к свержению законного Временного правительства.

Сдвиг политических настроений рабочих в пользу большевиков (известный в советской историографии как процесс “большевизации Советов”) носил далеко не однозначный характер. Это хорошо видно на примере Урала. В постсоветской литературе только отмечался, но не объяснялся феномен различного восприятия рабочими каждой из четырех губерний Урала большевистского лозунга “Вся власть Советам!”. Между тем голосование в октябре 1917 г. в Советах Урала показало весьма примечательную картину. Если в Пермской губернии, сосредоточившей основную массу новых механических цехов военного производства и *заново набранных* рабочих коллективов, большевистский призыв к взятию власти поддержали 76 из 140 Советов (то есть немногим, но все же более половины), то в Вятской губернии, где тон задавали крупные казенные заводы Ижевска и Воткинска, только 3 из 34 Советов! В Уфимской и Оренбургской губерниях, где наряду с проблемными с начала XX в. предприятиями существовали и успешные на рыночном пространстве заводы и рудники, “референдум” показал примерно равную расстановку сил: большевистский призыв к взятию власти поддержали 12 из 27 Советов в Уфимской и 6 из 10 в Оренбургской губернии [Попов, Бугров, 1997, с. 93].

Сам факт поддержки к *концу октября 1917 г.* лозунга “Вся власть Советам!” *только половиной* из 216 Советов рабочих, солдатских, крестьянских депутатов Урала (без учета волостных крестьянских Советов) – примечательное и не осмысленное в научной литературе явление. Противоположные подходы Советов по важнейшим политическим вопросам показывают глубину социальной неоднородности как общества в целом, так и рабочего социума. На мой взгляд, поддержка половиной Советов края прежней демократической системы органов власти в конце октября 1917 г. говорит о возможности *альтернативного варианта* развития событий.

Характер голосования носил показательный характер еще и потому, что стал предтечей изменения территориального среза политического поведения рабочих в Уральском регионе и на выборах в Учредительное собрание и даже в начале Гражданской

войны. Обращу внимание на то, что еще в конце октября 1917 г. под контролем меньшевиков и эсеров оставались Советы в трех из четырех губернских городов – Перми, Оренбурге, Вятке, ряде уездных центров, а в целом – в почти половине Советов Урала [Лисовский, 1967, с. 423].

Но характерно и другое: еще в середине сентября 1917 г. рабочие коллективы даже наиболее большевизированных заводов Урала видели выход из создавшейся ситуации в *эволюционном* переходе власти в руки коалиции социалистических партий. Так, резолюция рабочих Верх-Исетского завода от 15 сентября 1917 г. (коллектива, последовательно, на протяжении всего 1917 г., поддерживавшего большевиков) содержала требование “организации однородной демократической власти, ответственной перед полномочными органами революционной демократии”. Предлагаемый путь – “разрыв с соглашательством и переизбрание ЦИК” – оставлял меньшевикам и эсерам возможность для политического маневра [Рабочий... 1927, с. 349].

Замечу, что аналогичные требования выдвинули в *конце октября* 1917 г. рабочие ведущих предприятий столицы – Путиловского и Обуховского заводов в Петрограде, Петроградский совет профсоюзов, руководство Всероссийского союза металлистов, Центральный и Московский городской советы фабзавкомов [Чураков, 2009, с. 12–14]. Таким образом, *Советы – как орган общественного самоуправления – сами по себе не заслуживают упрека в антидемократичности. Любая машина становится инструментом разрушения и убийства не изначально.*

Роль армии в октябрьских событиях 1917 года

Какой же тогда фактор стал решающим в условиях примерного равенства сторонников и противников революционного и эволюционного путей? Что определило реальное развитие исторических событий начиная с конца октября 1917 г.? Таким фактором стала армия, точнее, солдатские массы, позволившие увлечь себя антивоенными лозунгами леворадикалов. Если до октября исход противоборства в послефевральских событиях 1917 г. демократической и антидемократической тенденций был неясен, то активное и широкомасштабное “включение” леворадикалами армии в политическую жизнь страны, своекорыстное использование ими антивоенных настроений солдатских масс изменили вектор развития российского государства. Мысль о значительной и даже решающей роли солдатских масс в событиях осени 1917 г. в целом в России прочно вошла в научную литературу [Булдаков, 1997].

Характерным можно считать такое положение: в Москве в октябрьских событиях 1917 г. участвовали 20 тыс. солдат и 5 тыс. вооруженных рабочих, при этом рабочие-красногвардейцы были полностью вооружены только 28–29 октября [Цыпкин, 1977, с. 10, 135]. Укажу также на очень важный момент: в Петрограде основу наступающих на Зимний дворец составили солдаты трех полков Петроградского гарнизона и матросы 2-го гвардейского экипажа [Революционный... 1977, с. 339].

Аналогичные процессы происходили и в регионах. Так, сопоставление численности двух основных социальных групп участников октябрьских событий на Урале – 3 тыс. красногвардейцев и свыше 60 тыс. солдат местных гарнизонов края, подпавших под влияние и контроль леворадикального блока большевиков и левых эсеров [Попов, 1983, с. 126, 136], – ясно указывает на то, кто же сыграл основную роль в установлении советской власти в уральском регионе и в России в целом. События осени 1917 г. на Урале только иллюстрируют общие выводы о сущности тех процессов в прошлом России, которые вошли в историю как “Октябрьская революция”.

О характере Октябрьской революции

Анализ законодательных документов советской власти, принятых вскоре после Октябрьской революции и обращенных непосредственно к рабочим, также приводит к однозначным выводам, отвергающим определение “пролетарская революция” (даже с учетом того, что приход к власти леворадикальных сил, выступающих от имени рабочего класса, не мог не активизировать деятельность нового правительства в области

трудового законодательства). Характерно, что хотя один из первых декретов советской власти и говорил о намерении коренного преобразования страховых законов 1912 г. [Декреты... 1957, с. 58], документы послеоктябрьской поры рассматривали *дореволюционное законодательство о труде в качестве предшественника и образчика*. Так, декрет СНК о 8-часовом рабочем дне устанавливал соблюдение 15 религиозных праздников и делал ссылку на Устав о промышленном труде 1913 г. [Собрание... 1917, с. 10]. Как видно, намерения и возможности Советского правительства, мягко говоря, не совпадали. Вырваться за пределы дореволюционного законодательства о труде большевикам удалось только после окончания эпохи войн, в октябре 1922 г., с принятием нового Кодекса законов о труде (КЗОТ) [Собрание... 1922, ст. 903] .

В этой связи термин “*леворадикальная*” [Игрицкий, 2008, с. 117] более подходит к типу Октябрьской революции, указывая не только на политические партии, возглавившие военный переворот, но и на соответствующий настрой пролетарских слоев рабочих России. Смена вектора развития означала осуществление в Октябре 1917 г. самостоятельной революции и начало принципиально нового этапа цивилизационного развития.

Главной силой Октябрьского переворота стали солдатские массы, что не позволяет квалифицировать революционные события осени 1917 г. как “*пролетарскую революцию*”. Октябрьский переворот в столице был только *верхушечным явлением социальной революции в России*. Сложное переплетение осенью 1917 г. четырех основных пластов общественного движения рабочих, солдат и крестьян – традиционалистского, демократического, радикально-антивоенного и социалистического – было использовано леворадикальными силами для захвата власти.

Время показало, сколь кратковременны и утопичны уравнилельские лозунги для политиков, добивающихся власти. Но срок пребывания леворадикалов у власти зависит не только от имеющихся ресурсов всех видов, но и от умения манипулировать настроениями различных социальных слоев населения, включая профессиональных историков. Насильственный роспуск Учредительного собрания символизировал кризис формирующейся российской демократии и означал поворот общественного и политического развития вспять: разрушение институтов гражданского общества и политической демократии [Медушевский, 2008, с. 26].

Вместе с тем осознанная, отталкивающаяся от конкретных социальных требований поддержка блока большевиков и “*левых*” эсеров со стороны значительной части рабочих, солдат, крестьян не позволяет согласиться с мнением о том, что “*октябрьская революция*” 1917 г. – это *только и исключительно* “*смута*”, “*праздник люмпенов*”, “*бесовщина*” или “*буйство коллективного бессознательного*” в действиях “*озлобленных маргиналов и городских люмпенов*” [Октябрь... 1995, с. 4–31; Булдаков, 1997, с. 5, 352]. Все названные психосоциальные явления действительно имели место в событиях осени 1917 г., так же как и активное участие люмпенов всех видов, но не они были главными и определяющими в назревшем антивоенном, антифеодальном и антибуржуазном взрыве, который не смогло предотвратить Временное правительство. Без определенной социальной поддержки сравнительно небольшие по численности леворадикальные партии не сумели бы удержать власть за пределами столицы.

* * *

Многое в отношении общего и специфического в событиях 1917 г. прояснится, если верно сопоставить понятия “*октябрьский переворот*” и “*октябрьская революция*”. Вооруженный захват власти в Петрограде 25 октября 1917 г. действительно может быть назван переворотом, но он – только частное событие, проявление того грандиозного, противоречивого, переломного процесса, каким стала революция в России. В такой постановке вопроса становится видна подлинная роль социальных слоев, поверивших лозунгам большевиков и левых эсеров и поддержавших власть Советов. В этой связи обоснованным представляется суждение о классификации событий октября 1917 г. – весны 1918 г. как леворадикальной революции, включавшей как антидемократические, так и демократические тенденции, основным содержанием которой было выступление

солдатских масс против демократического правительства, продолжившего участие в Мировой войне [Игрицкий, 1994, с. 58; Поляков, 1994, с. 44, 49, 54]. Демократические тенденции, носителями которых были и пролетарии, составили основу антифеодальной революции [Скоробогатский, 1997, с. 160]. Что же касается подготовки и проведения октябрьского переворота, анализ документов говорит о весьма сдержанной, по сути дела незначительной поддержке его рабочими промышленности России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Астрахан Х.М.* Большевики и их политические противники в 1917 г. Л., 1973.
- Булдаков В.П.* Империя и смута: к переосмыслению истории русской революции // Россия и современный мир. 2007. № 3.
- Булдаков В.П.* Красная смута: природа и последствия революционного насилия. М., 1997.
- Волобуев П.В.* Пролетариат и буржуазия в России в 1917 г. М., 1964.
- Галили З.* Лидеры меньшевиков в русской революции. М., 1993.
- Декреты Советской власти. В 5 т. Т. 1. М., 1957.
- Ерофеев Н.Д.* Современная отечественная историография русской революции 1917 г. // Новая и новейшая история. 2009. № 2.
- Игрицкий И.Ю.* Гражданская война в России: императивы и ориентиры переосмысления // Гражданская война в России: перекресток мнений. М., 1994.
- Игрицкий Ю.И.* Революции 1917 г.: уроки для радикалов, либералов и консерваторов // Россия и современный мир. 2008. № 1.
- “Круглый стол” Февральская революция 1917 г. в российской истории (материал подготовлен С.С. Секиринским) // Отечественная история. 2007. № 5.
- Кудинова Н.Т.* Отечественная историография революции 1917 г. в России (1917–1995). Хабаровск, 1998.
- Лисовский Н.К.* 1917 г. на Урале. Челябинск, 1967.
- Макаренко П.В.* Германский фактор в Октябрьской революции 1917 г. // Вопросы истории. 2008. № 5.
- Медушевский А.Н.* Причины крушения демократической республики в России 1917 года // Отечественная история. 2007. № 6.
- Медушевский А.Н.* Учредительное собрание как политический институт революционного периода // Отечественная история. 2008. № 2.
- Миц И.И.* Об освещении некоторых вопросов истории Великой Октябрьской социалистической революции // Вопросы истории. 1957. № 2.
- Наемный труд в России и на Западе. 1913–1925 гг. В 2 ч. Ч. 1. М., 1927.
- Октябрь 1917 года и большевистский переворот в России. Научно-практическая конференция 5 ноября 1994 г. М., 1995.
- Орлова Н.Е.* Социальная политика Временного правительства. Март–октябрь 1917 г. // К истории русских революций. События, мнения, оценки. М., 2007.
- Поляков Ю.А.* Гражданская война: начало и эскалация // Гражданская война в России: перекресток мнений. М., 1994.
- Попов Н.Н.* Борьба большевиков Урала за солдатские массы в трех революциях. Саратов, 1983.
- Попов Н.Н., Бугров Д.В.* Бремя упущенных возможностей: Урал в 1917 г. Екатеринбург, 1997.
- Рабочий класс Урала в годы войны и революции. В 2 т. Т. 2. Свердловск, 1927.
- Революционный Петроград. Год 1917. Л., 1977.
- Российские революции: 90 лет спустя. “Круглые столы” в Институте российской истории РАН // Отечественная история. 2008. № 6.
- Скоробогатский В.В.* Россия на рубеже времен: новые пути и старые вехи. Екатеринбург, 1997.
- Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и крестьянского правительства. 1917. № 1.
- Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и крестьянского правительства РСФСР. 1922. № 70.
- Цыпкина Г.А., Цыпкина Р.Г.* Красная гвардия – ударная сила пролетариата в Октябрьской революции. М., 1977.
- Чураков О.Д.* 1917 г. в современной историографии: проблемы и дискуссии // Новая и новейшая история. 2009. № 4.
- Шевырин В.М.* Революция 1917 г.: переосмысление в зарубежной историографии // Россия и современный мир. 2007. № 1.